

Басурманская неволя.

(Окончаніе).

VIII¹⁾.

На Святой Руси.

Полоняникъ не помнилъ себя отъ радости, когда видѣлъ передъ собою стѣны и башни Путивля, черезъ который шли обыкновенно выходцы изъ-за границы. Но здѣсь еще не кончались его злключенія. Воеводы городовъ, черезъ которые шли полоняники, должны были „ихъ про вѣсти распрашивать и кормы давать, смотря по людямъ, и отписки и проѣзжія грамоты давать“. „Проѣзжая грамота“ или „память“ давалась для свободнаго пропуска черезъ города, „отписку“, заключающую въ себѣ свѣдѣнія о прѣходѣ полоняника въ пограничный русскій городъ и о распросѣ его мѣстнымъ воеводой, полоняникъ долженъ былъ представить въ Москвѣ въ Разрядный приказъ. Но не такъ легко было добраться до Москвы. Правительство не было щедро на прогоны выходцамъ, и они большею частью добирались до столицы съ какой-нибудь оказіей, или зачастую прямо Христовымъ именемъ. Рылянка, дѣвка Анютка Чубарова, напримѣръ, вышедшая въ 1665 году изъ Азова на Донъ, была отпущена атаманомъ Корниломъ Яковлевымъ „съ торговымъ человѣкомъ на судиѣ водою до Крутояка“; въ Крутоякѣ воевода, „видя ея великую нужду“, далъ ей подорожную, по которой она доѣхала до Серпухова, откуда воевода „отпустилъ ее къ Москвѣ на подводѣ съ ко-

¹⁾ См. „Русская Старина“ мартъ 1913 г.

лодницею“. Въ 1670 году „выбрелъ“ изъ Турціи венеитинъ Титъ Ѳедоровъ, 85-лѣтній старикъ, пробывшій въ плѣну цѣлыхъ 70 лѣтъ; еле дотащился онъ до Кіева, гдѣ ему помогъ счастливый случай. „А изъ Кіева, Государь,—сообщалъ въ своей челобитной Ѳедоровъ, видя мою старость и немощь, бояринъ и воевода Петръ Васильевичъ Шереметевъ, идучи съ твоей, Государевы, службы къ Москвѣ, велѣлъ меня везть у себя въ обозѣ, и я, холопъ твой, волокся у него въ обозѣ до Орла“. На полоняника Семена Онаньина, шедшаго изъ Саратова въ Москву, „въ Муромскомъ лѣсу наѣхалъ Тайныхъ дѣлъ подъячій Еремѣй Полянскій и привезъ его къ Москвѣ“¹⁾.

Выносиливо было тѣло, крѣпки были нервы полоняниковъ, но и они часто не выдерживали полонной нужи. То и дѣло случалось, что полоняникъ, выбравшись на Русь, „залежалъ“ въ какомъ-нибудь городѣ: орлянинъ Даншинъ, напримѣръ, шедшій степью до Чугуева цѣлыхъ пять недѣль, на пути въ Москву въ одной деревнѣ Бѣлгородскаго уѣзда „отъ полоннаго терпѣнья и отъ степныя нужи и отъ голоду разнемогся и лежалъ съ годъ, едва не умеръ“.

Иногда случалось, что, пройдя благополучно страшныя степи, полоняникъ на русской землѣ сталкивался опять лицомъ къ лицу со своими немилостивыми господами—татарами. Въ 1644 году шедшаго изъ Турціи послѣ 30-лѣтняго плѣна донковскаго казака Пуляева „громили на дорогѣ воровскіе черкасы и татарове“. Во время того же набѣга изъ Путивля шелъ въ Москву выходецъ изъ полона, донской казакъ Алексѣевъ съ нѣсколькими товарищами; въ Комарицкой волости Сѣвскаго уѣзда путники наткнулись на татаръ, которые „воевали рыльскія, и путивльскія, и комарицкія мѣста“; татары взяли въ полонъ товарищевъ Алексѣева, а ему удалось уйти отъ нихъ²⁾.

Русскіе разбойники не брезговали жалкой рухлядишкой „нагого и босого“ выходца изъ полона; у карачевца Полникова, напримѣръ, въ 1669 году разбойники „межь Курска и Орла... платышка и карманецъ съ письмами (документами) отняли“. Какъ жутко было полоняникамъ итти дремучими лѣсами Тамбовскаго края, видно изъ того, что одинъ полоняникъ, по его признанію, въ Козловскомъ уѣздѣ, подъ селомъ Тарбѣевымъ отписку, данную ему воеводой, „на лѣсу ото страху оборонилъ“.

Люди, не занимавшіеся спеціально разбоемъ, также были не прочь поживиться на счетъ убогаго полоняника. Черкашенина

¹⁾ Пр. 972, 60; Пр. 412, 93, 117.

²⁾ Б. 264, 125; Б. 197, 170; Пр. 158.

Зенскаго на Хопрѣ пріютили казаки и потомъ отпустили на Русь; „и съ нимъ было пошли товарищи съ Хопра три человѣка,—разска- зывалъ Зенскій,—и, отнявъ у него съ рубль денегъ, что ему давали казаки, съ дороги воротились назадъ“. Иногда недобрые люди прельщались тѣми „добрыми лошадьми“, которыхъ полонянникамъ случалось угонять изъ степныхъ табуновъ своихъ хозяевъ. Поло- нянникъ Иванъ Андреевъ въ 1662 году увелъ съ собою отъ кал- мыковъ двухъ добрыхъ коней, „рублей по 50 и по 60“; когда онъ вышелъ на Волгу-рѣку, онъ увидѣлъ, что по рѣкѣ „идетъ насадъ“ (барка) крестьянина Павловской вотчины князя Черкаскаго Але- ксѣя Иванова. Ивановъ, какъ добрый, довезъ полонянника до села Павлова Перевоза. Здѣсь Ивановъ внезапно перемѣнился въ отно- шеніи къ Андрееву. „И на Павловѣ Перевозѣ, жаловался Андреевъ,— тотъ Алексѣй меня мучилъ и просилъ на меня записи, и тотъ Алексѣй отвелъ меня въ Павловъ Перевозъ на сѣзжую избу и заковалъ, и на чѣпъ сажалъ, и вымучилъ на меня запись, чтобы мнѣ въ тѣхъ лошадяхъ тебѣ, Великому Государю, не бить челомъ, и завладѣлъ онъ, Алексѣй, лошадью, а другую отдалъ приказному (т. е. кн. Черкаскаго) Плакидѣ Семенову“¹⁾.

Но и совершенно неимущіе, „въ конецъ разоренные“ полонян- ники сами по себѣ по тѣмъ временамъ представляли извѣстную цѣнность. Въ 1672 году была челомъ полонянка, мецвянка—„дѣвица“ Палашка Мерцалова на болховитина Ѳедосѣя Зубкова, захватившаго ее и ея племянницу. По словамъ Мерцаловой, за десять лѣтъ пе- редъ тѣмъ татары взяли ее въ плѣнъ вмѣстѣ съ племянницей; но пробыли онѣ въ плѣну только 4 недѣли, такъ какъ на Днѣпрѣ ихъ „отгромилъ“ Переславскій полковникъ; Зубковъ „на томъ погромѣ“ взялъ ихъ къ себѣ, „говоря имъ обманомъ, знаю де я вашихъ родственниковъ и я де васъ свезу самъ“; вмѣсто этого онъ дер- жалъ 8 лѣтъ Палашку въ своей болховской деревнѣ, а племянницу Мерцаловой „раздѣлилъ съ товарищемъ“; Палашка „стала сказы- ваться стороннимъ людямъ, чтобы ея родственники ее сыскали“; Ѳедосѣй же ее „подъ ружьемъ ухоранивалъ и всякимъ безчестьемъ безчестилъ и велѣлъ сказываться Комарицкія волости Кузьмина дочь Бордина и билъ ее, на бочкѣ перегнувъ, плетями и кистенями на мертво“. Освободившись, Мерцалова просила сыскать ея пле- мянницу. Дѣло носило характеръ такой вопіющей несправедливости, что Разрядъ немедленно предписалъ болховскому воеводѣ „сыскать всякими сыски накрѣпко и указъ учинить, до чего доведется, въ правду, безволокидно“.

¹⁾ Пр. 401, 68, 138; Пр. 187, 213; Пр. 239, 282.

Въ числѣ такихъ насильниковъ можно было встрѣтить и духовныхъ лицъ, которымъ менѣе всего было прилично обижать Божьихъ людей. Въ 1638 году донскіе казаки, овладѣвъ Азовомъ, отпустили въ числѣ прочихъ полоняниковъ „старинную послужилцу“ подьячаго Буханова дѣвку Авдотьицу, взятую въ плѣнъ за 25 лѣтъ передъ тѣмъ; дѣвка „съ робятишками своими“ пошла къ прежнимъ господамъ, но подвернувшійся ей пошутчикъ Дѣдиловскій вдовый попъ Богданъ Андреевъ Архиповъ, привелъ ее въ Дѣдиловъ и „отдалъ брату своему Пятницкому попу Семену Нефедьеву, который держалъ ее у себя въ порабощеніи и хотѣлъ выдать замужъ насильствомъ“. По челобитью подьячаго Буханова воеводѣ было указано: „Авдотьицу, взявъ у попа и поставя передъ собою въ сѣзжей избѣ, распросить, къ кому она похочетъ, и для ея полонскаго терпѣнья далъ бы еси ей волю“ ¹⁾.

Правительство старалось оградить интересы полоняниковъ, но часто сами воеводы и подьячіе притѣсняли и грабили выходцевъ изъ полна. Въ 1668 году Тамбовскій крестьянинъ Маркъ Михайловъ, вышедшій изъ Крыма съ 7 товарищами, подалъ слѣдующую челобитную: „Нижнесломовской воевода Борисъ Лопатинъ насъ бѣдныхъ засадилъ въ тюрьму, хотя насъ себѣ покабалить, взялъ у насъ 10 лошадей крымскихъ добрыхъ, и мы, сироты твои, изъ той тюрьмы къ тебѣ, Великому Государю, ушли уходомъ, душою да тѣломъ, а товарищей нашихъ, тровхъ человекъ, себѣ во дворъ закабалилъ, а иные въ тюрьмѣ сидятъ, а къ Москвѣ не отпустилъ“. Особенно падокъ былъ до полоняниковъ и ихъ лошадей Гаврила Исуповъ, воевода Чернаго Яра, въ который нерѣдко выходили полоняники съ добрыми калмыцкими и нагайскими лошадьми. Сѣвскій драгунъ Самойла Онаньинъ вышелъ изъ нагаевъ въ Черный Яръ съ двумя конями. „И тѣхъ коней у меня воевода отнялъ, жаловался Царю Онаньинъ, и меня, холопа твоего, билъ и увѣчилъ, въ желѣза ковалъ и хотѣлъ покабалить, и я, холопъ твой, не похотя быть въ холопствѣ у него, ушелъ и приобрелъ къ тебѣ, Великому Государю, къ Москвѣ“. Еще горше пришлось отъ Исупова вышедшему изъ Крыма на Черный Яръ также съ лошадыю ефремовцу-сыну боярскому Софону Леншину. Исуповъ, „ухватя“ его и иныхъ крымскихъ полоняниковъ, человекъ съ 10, увезъ въ свою Арзамасскую деревню; Леншина онъ женилъ насильно на своей дворовой женкѣ-вдовѣ и, „привязавъ къ скамьѣ, билъ плетями мало не до смерти, чтобъ онъ не сказывался сыномъ боярскимъ никому, и морилъ долгое время въ чѣпи, въ желѣзахъ

¹⁾ Пр. 709, 17—20; Пр. 109, 227—229.

голодную смертью и на поля посылалъ его хлѣба пахать за сторожами, а товарищевъ его всѣхъ возилъ въ Арзамасъ имать на нихъ кабалы, и воевода князь Степанъ Шелешпанской кабалъ на нихъ не далъ, что они сказывались невольники“; разсерженный Исуповъ такъ разбушевался, что воевода „велѣлъ бить въ сполохъ“, т. е. въ набатъ. Нѣкоторымъ полоняникамъ удалось уйти отъ Исупова; ушелъ и Леншинъ, „проволочился межъ дворъ“ и „прибрелъ къ Москвѣ“. Здѣсь онъ билъ челомъ Государю, чтобъ ему съ Исуповымъ „свой, Государевъ, милостивый указъ учинилъ“. „Чтобъ намъ, крымскимъ полоняникомъ,—писалъ Леншинъ, ставя вопросъ на принципиальную почву—отъ такихъ приказныхъ людей впредь по городомъ такихъ неволь и поругательства и грабленія не было“.

Несмотря на всѣ извороты Исупова, Леншинъ доказалъ свою правоту, и 9 іюля 1673 года, черезъ три съ лишкомъ года послѣ начала дѣла, Разрядъ постановилъ Леншина „изъ холопства свободить и написать его въ Государеву службу съ городомъ по Ефремову, съ дѣтьми боярскими“, а пограбленнаго у него Исуповымъ имущества „на немъ, Гаврилѣ, искать судомъ“. Обижали полоняниковъ и подьячіе, въ отпискахъ „прописывали (т. е. пропускали) ихъ имена для взятковъ“¹⁾.

Нерѣдко выходца — полоняника ждали на Руси такія бѣды и горести, что онъ могъ пожалѣть и о басурманской неволѣ. Не всегда выпадало ему на долю счастіе увидѣться съ оставшимися у него на родинѣ близкими людьми.

Въ „Запискахъ“ Болотова трогательно описано возвращеніе на родину крымскаго выходца Горяина Болотова. „Нигдѣ не видитъ онъ, говорятъ „Записки“, своего дома и хоромъ, и глаза его тщетно ищутъ обиталища, которое ему столь мило было“. Оказалось, что въ отсутствіе Горяина его жена была убита разбойниками, дочь умерла, умерла „бездѣтно“ и сестра, „пресѣклось все ихъ поколѣніе“, а хоромы племянники свезли. Ливенецъ Филатовъ, возвратясь изъ плѣна, узналъ, что, „какъ онъ былъ въ полонѣ, и въ то время въ приходъ подъ Ливны Крымскаго хана, татарова матеря его и четверыхъ сынишковъ поймали въ полѣ, и нынѣ въ полону животъ свой мучать“.

Жена ефремовца Матрена Башкурова пробыла въ Крыму только годъ, но, возвратясь въ Ефремовъ, узнала, что мужъ ея „на Великаго Государя службѣ въ солдатѣхъ пропалъ безвѣстно, убитъ ли или въ полонъ взятъ, того не вѣдомо“; оставшись „бездѣтной и

¹⁾ Пр. 384, 561—568; Пр. 412, 117—121; Пр. 1013, 54—77; Пр. 392, 420.

безсемейной“, вдова поправила дѣло тѣмъ, что вышла снова за-мужъ. Но этого не могла сдѣлать вдовая мценская попадья Меланья, которая, выйдя изъ полона, по ея выраженію, „помирала голодною смертію, при древней старости въ конецъ погибла“.

Надежду сыскать родичей питали даже древніе старцы въ родѣ веневитина Тита Ѳедорова, пробывшіе десятки лѣтъ въ плѣну и даже забывшіе, „чьимъ прозвищемъ слыли“ ихъ родные. Тотъ же Титъ Ѳедоровъ покинулъ страннолюбиваго боярина П. В. Шереметева, взявшаго его Христа ради съ собою изъ Кіева, и въ Орлѣ „отсталъ отъ его обозу“. „Бродилъ на Веневѣ, рассказывалъ потомъ несчастный старикъ, сыскивалъ родственниковъ моихъ и родителей ¹⁾, никого не сыскалъ, и я приволокся нынѣ къ Москвѣ“.

Случалось, что полоняникъ по возвращеніи находилъ свою жену за другимъ мужемъ, къ которому поступало въ качествѣ приданнаго и имущество полоняника. Жена добренскаго солдата Нефеда Леонтьева Ненила въ то время, какъ онъ былъ въ неволѣ, вышла замужъ за солдата Василя Золотарева и прижила съ нимъ двухъ сыновей, Петрушку и Самошку. Выйдя изъ полона, Леонтьевъ взялъ къ себѣ жену и меньшого сына Золотарева Самошку. Ненила успѣла умереть, а Самошка жениться, до тѣхъ поръ, пока Золотаревъ возстановилъ свои родительскія права, и воевода приговорилъ Самошку съ женою „отдать по-прежнему солдату—отцу его Василю Золотареву для того, что онъ, Василій, ему, Самошкѣ, отецъ родной“.

Болотовъ, со словъ „старушки родственницы“, рассказываетъ, что свиданіе Горяина Болотова съ племянниками, „съ младенчества еще любившими и почитавшими“ его, было „нѣжно и таково, которое не можетъ никакъ описано быть“. „Съ радостными слезами встрѣчали его они, извиняясь, что во владѣніе его имѣніемъ вступили“, а потомъ „стали съ великою охотою возвращать ему его имѣніе и усиленно просить, чтобы онъ по-прежнему вступилъ во владѣніе своей деревни“. „Не хочу отнимать у васъ то, что даровало вамъ Небо“, отвѣчалъ великодушный Горяинъ Болотовъ племянникамъ, а они „преисполненные наинѣжнѣйшею благодарностью, почитали его и любили, какъ отца“. Но древняя Русь едва-ли знала такія сентиментальности, остающіяся на совѣсти „старушки-родственницы“ составителя „Записокъ“.

Архивные документы, напротивъ, говорятъ о постоянныхъ кляузныхъ спорахъ между родственниками, вѣчно тягавшимися о какой-нибудь пустяшной рухлядишкѣ, о какой-нибудь четверти вот-

¹⁾ То же въ смыслѣ родственниковъ.

чинной земли. Родственники не упускали случая нажиться на счетъ беззащитнаго полоняника. Бояринъ Петръ Никитичъ Шереметевъ отбилъ замки у Московскихъ палатъ плѣннаго дяди своего боярина Ѳедора Васильевича Шереметева, пограбилъ егоivotы и самовольно владѣлъ его вотчинами въ теченіе четырехъ лѣтъ. Его внукъ Василій Борисовичъ, попавши въ плѣнъ, въ свою очередь испыталъ, насколько крѣпки были въ Московской Руси родственныя связи. „Родителей старыхъ никого нѣтъ, жаловался плѣнный бояринъ, а и есть свои, и они нынѣ не добры, тѣснятъ сынишка моего деревенскаго тѣснотою безъ меня, видя мой упадокъ великій и одиночество“.

Если вельможные полоняники терпѣли обиды отъ родственниковъ, то каково было положеніе менѣе важныхъ полоняниковъ, встрѣчавшихся въ провинціальной глуши съ жадными родственниками, захватившими ихъ помѣстья и „животы“. Сынъ боярскій Василій Григорьевъ Люшинъ въ 1669 году вышелъ изъ нагайскаго плѣна, въ которомъ онъ пробылъ 22 года, и сталъ доказывать свои права на помѣстье въ Рыльскомъ уѣздѣ. Но Василій Ивановъ Люшинъ съ братьями утверждали, что онъ не Люшинъ, а Хвастовъ, и „отъ Люшиныхъ его отчитали“. По сыску, произведенному въ Рыльскѣ и Сѣвскѣ, „объявилось, что тотъ крымскій полоняникъ Василій подлинно Григорьевъ сынъ Люшина“. По Государеву указу ему было отдано помѣстье его отца Григорія Люшина, и онъ былъ написанъ въ службу „по Новгородку-Сѣверскому съ родичи его“.

Если таковы были родственники, то чего же было ждать полонянику отъ чужихъ людей? Они смотрѣли на покинутое помѣстье полоняника, какъ на посланную имъ судьбою добычу. „Разорила меня, жаловался Царю полоняникъ сынъ боярскій Савва Комовъ, Давыдова жена Лобынцева вдова Марья, помѣстьемъ дѣда моего и отца владѣла семь лѣтъ и домишка дѣдовъ и отца моего разорила, свезла двѣ клѣти, выдрала пчелы, да перемолотила хлѣбъ, да взяла винный котель съ трубою, да 30 борововъ свиней, 40 куриць, двои сошники, 4 топора, двои жерновы, 8 серповъ“. Не довольствуясь этимъ, вдова „съ совѣтники своими“ пріѣзжала къ Комову, и „его били и мучили и, что ему дано за полонъ Государева жалованья, 6 рублевъ, у него вымучили“. Въ домахъ богатыхъ полоняниковъ своевольничали и грабили холопы. В. Б. Шереметевъ жаловался на то, что „въ домишку его объявилось отъ холопей воровство великое, и отъ холопей деревнишки его до конца разорены“¹⁾.

¹⁾ Пр. 615. 53—59; Пр. 412, 191—194, 526—529; Барсуковъ, V, 56, VI, 81.

На выходцѣ изъ плѣна часто тяготѣлъ долгъ тому, кто его выкупилъ. Гречане, привозившіе полонянниковъ, дѣлали это не съ благотворительною цѣлью, но „окуповъ своихъ на нихъ правила“, и у полонянниковъ „съ гречаны въ окупахъ бывали споры большіе“. Неумолимы были и другіе займодавцы. Полонянка Улита Ефаньева окупила казака Растегаева въ Царь-градѣ, но сама, испытавъ полонную нужду, не оказала милосердія своему собрату по полонной нуждѣ. „Бьетъ челомъ на меня неотступно, жаловался Растегаевъ на Ефаньеву, а дать мнѣ, бѣдному, нечего, дворника разорень отъ воинскихъ людей-татаръ“. „Окупался я, писалъ другой полоняникъ, занимаючи въ кабалы, разорился со всѣмъ домишкомъ, погибъ въ конецъ, по кабаламъ оплатиться нечѣмъ, отъ татарскія войны разорень безъ остатку“.

Эти долги были тяжелы и для богатыхъ. В. Б. Шереметевъ предполагалъ недостававшую для выкупа его сумму собирать „у братьи своей, у московскаго народу людей“. Маломочные же полоняники собирали окупныя деньги буквально „Христовымъ именемъ“, получая для этого отъ правительства особую „сборную память“. Жительница Переяславля, Стефанида Васильева, была должна греку Константину Иванову 200 рублей за выкупъ изъ турецкаго плѣна ея съ дѣтьми. „Христовымъ именемъ“ она собрала въ черкасскихъ (малороссійскихъ) городахъ 100 ефимковъ (150 р.) и уплатила греку; затѣмъ цѣлый годъ она „съ великою нуждою“ собирала деньги въ Великой Россіи и набрала еще 50 рублей. Къ довершенію всего, когда Васильева „поѣхала было въ Переяславль для расплаты послѣднихъ своихъ денегъ“, въ Ливнахъ воевода Іовъ Остафьевъ отнялъ у нея не только эти сборныя деньги, но и „камень дорогой въ 100 рублей“, не побрезговалъ и всякою женскою рухлядью, какъ-то пуговицами, полотенцами, башмаками сафьяными и гребнемъ слоновымъ¹⁾.

Вышедшій изъ полона крѣпостной получалъ свободу, былъ уже „старому боярину (владѣльцу) не холопъ“. Но помѣщики не всегда съ охотою отказывались отъ своихъ правъ, и полонянику приходилось искать защиты у правительства. „Не вели, Государь,—умолялъ Царя такой выходецъ,—мнѣ напрасно въ конецъ погнута и похолоплену и опять въ неволѣ быть“.

Но особенно круто приходилось подчасъ на Святой Руси взятымъ въ малыхъ лѣтахъ полоняникамъ, совершенно обасурманившимся по внѣшности. Чѣмъ болѣе стремились на Русь такіе полоняники, тѣмъ сильнѣе они разочаровывались при встрѣчѣ съ

¹⁾ Пр. 412, 8; Б. 264, 41; Пр. 158, 353; Пр. 1333, 39—81; Барсуковъ, VI, 81.

любезными соотечественниками. Казачій сынъ изъ Рыльска, Данила Федоровъ Воробьевъ, взятый въ плѣнъ въ восьмилѣтнемъ возрастѣ¹⁾, пробылъ 16 лѣтъ въ плѣну у нагаевъ и въ Азовѣ и въ маѣ 1632 года, подъ именемъ Чуфара, пріѣхалъ на Русь съ татарами, намѣревавшимися воевать Ливенскій уѣздъ. Здѣсь онъ исполнилъ свою давнюю мечту (онъ уже разъ неудачно бѣгалъ на Русь), отсталъ отъ татаръ и „наѣхалъ на Государевыхъ людей“. Чуфаръ „учалъ сказываться, что онъ русской человекъ, а не татаринъ“, но его безъ разговоровъ скрутили и отправили въ Москву, гдѣ онъ былъ „пытанъ и вкинутъ въ тюрьму“. Полтора года сидѣлъ Чуфаръ въ тюрьмѣ съ плѣнными татарами, три раза онъ подавалъ челобитныя, умоляя Государя то „за его (Чуфарово) полное терпѣнье и за напрасную кровь“, пролитую на пыткѣ, то для „царскаго ангела“ или „для Благовѣрнаго царевича Ивана Михайловича“ про него, Чуфара, „въ знатѣ сыскать“, т. е. допросить знающихъ его и его родню людей. „Знатцы“ принесли сказку за своими руками о томъ, что они „отца его въ Рыльску въ бѣломѣстныхъ казакахъ знали и отъ отца его и отъ дяди про него, Данилка, слышали, что его, Данилка, взяли въ Рыльскомъ уѣздѣ нагайскіе люди въ полонъ“. Но это не улучшило положенія Воробьева—Чуфара. Ему угрожала ссылка въ какой-нибудь отдаленный городъ вмѣстѣ съ плѣнными татарами, что особенно удручало его, дорожившаго „своей русской породой“ и желавшаго „христіанской вѣры“. „Дай мнѣ, бѣдному, вольный свѣтъ видѣть,—молился Воробьевъ въ своей третьей челобитной Царю,—не вели, Государь, меня сослать съ татары, чтобъ я, бѣдный, въ конецъ не погинулъ“. Только въ ноябрѣ 1633 года Воробьевъ былъ „свобоженъ“ изъ тюрьмы и отданъ на поруки. То же почти самое повторилось въ 1646 году съ кромчаникомъ Климомъ Васильевымъ. Онъ 40 лѣтъ пробылъ въ Крыму и былъ обасурманенъ подъ именемъ Теребердѣя. Онъ пришелъ съ татарами, „въ войну въ Московское Государство“, имѣя затаенную мысль „отъ татаръ уйтить и быть въ православной крестьянской вѣрѣ“. Въ Сѣвскомъ уѣздѣ онъ отсталъ отъ татаръ, но былъ схваченъ крестьянами, отправленъ въ Москву и по обычаю „пытанъ на-крѣпко и вкинутъ въ тюрьму“. Впрочемъ, онъ былъ счастливѣе Воробьева; уже черезъ полгода Государь пожаловалъ его „для православныя христіанскія вѣры“, велѣлъ его изъ тюрьмы выпустить и послать въ Троицкій Сергіевъ монастырь „въ службу, въ которую пригодится“²⁾.

¹⁾ Взятъ былъ „въ томъ году, какъ въ Москвѣ три дни постились“.

²⁾ Пр. 33, 515; Пр. 68, 506—512; Пр. 162, 282—285.

IX.

Государево жалованье.

Полоняникъ достигалъ, наконецъ, Москвы, источника всякихъ благъ и милостей. Здѣсь онъ надѣялся успокоиться отъ трудовъ и поправить свои дѣла Царскимъ жалованьемъ. У каждаго была заготовлена болѣе или менѣе трогательная и убѣдительная челобитная. Одинъ просилъ просто о милости: „пожалуй, Государь, своимъ царскимъ жалованьемъ, какъ тебѣ Христосъ Богъ по сердцу Царю извѣститъ, а я за тебя, Великаго Государя, вѣчно долженъ Бога молить и тебѣ, Великому Государю, службу служить“. Другой наивно ставилъ себѣ въ заслугу то, что „онъ нигдѣ въ басурманѣхъ не остался, на деньги и сукна ихъ не прельстился“. Но прямо къ Царю обратиться было нельзя, и для полоняника начиналась продолжительная волокита по приказамъ; главнымъ образомъ, приходилось хлопотать въ Посольскомъ приказѣ и въ Разрядѣ, изъ которыхъ первый вѣдалъ окупъ полоняниковъ, а второй выдачу имъ жалованья за „полонное терпѣнье“.

Въ Московскихъ приказахъ не вѣрили однимъ слезнымъ челобитнымъ полоняниковъ; они должны были прежде всего удостоверить свою личность, доказать, что они дѣйствительно были въ полону. Нѣкоторые выходцы приносили съ собою цѣлый архивъ удостовѣрительныхъ документовъ; тутъ были турецкія отпускныя и прохожіе листы отъ всякихъ заграничныхъ и русскихъ властей, исповѣдныя свидѣтельства отъ римскихъ іезуитовъ и отъ архимандрита Печерской Лавры; иной кстати прихватывалъ и какое-то „татарское письмо на сдиркѣ“ (узкой бумажной лентѣ), которое, по экспертизѣ Посольскаго приказа, оказывалось совсѣмъ не идущимъ къ дѣлу „татарскимъ молитвенникомъ“. Но за то многіе полоняники являлись въ приказы безъ всякихъ документовъ, въ полномъ смыслѣ „душею да тѣломъ“. Одинъ показывалъ, что товарищи его на дорогѣ „покинули“ и проѣзжую память съ собою унесли; другой увѣрялъ, что память у него на дорогѣ „воровскіе люди отняли“. Многіе, по собственному признанію, объ отпискѣ и проѣзжей памяти и не били челомъ „за малоуміемъ своимъ“, потому что, „такія отписки и проѣзжія памяти даютъ-ли, не вѣдали“. И чего было спрашивать съ какого-нибудь обасурманившагося въ неволѣ выходца, который и „русскому языку не зналъ“, когда человекъ несомнѣнно книжный—Сѣвскаго уѣзда попъ Іосифъ не принесъ отписки и памяти „для того, что ему не за обычай“.

Дѣльцовъ Московскихъ приказовъ очень затрудняла эта наивная неискренность полоняниковъ, „выписать (составить выписку для доклада) было не изъ чего и пожаловать ихъ было не по чему“. Въ этомъ случаѣ выходцы должны были „сыскать на себя знатцовъ“ или „знатковъ“, т. е. людей, которые могли бы удостовѣрить ихъ выходъ изъ полона. Полоняникъ и самъ спѣшилъ сослаться на „знатцовъ“; „и нынѣ тѣ люди есть на Москвѣ, которые про мое полное терпѣнье вѣдаютъ“, „а вѣдомо про то многимъ людямъ, съ которыми я дорогою изъ полону брелъ“—обычныя выраженія въ челобитныхъ полоняниковъ, являвшихся въ Москву безъ документовъ. „Сыскъ въ знатѣхъ“ состоялъ въ томъ, что указанные полоняникомъ знатцы „по Евангельской Христовой заповѣди“, т. е. подъ присягой, показывали что-нибудь въ родѣ того, что такой-то полоняникъ „въ полону былъ, и они его въ Крыму видѣли“, „въ полону его видѣли и пасли скотину вмѣстѣ“. Заграничные документы подвергались экспертизѣ въ Посольскомъ приказѣ; но иногда этотъ приказъ оказывался въ этомъ дѣлѣ безсильнымъ и сообщалъ Разряду, что такой-то листъ „итальянскій, и такихъ де переводчиковъ въ Посольскомъ приказѣ нѣтъ“¹⁾.

Всѣ эти формальности не были излишними, такъ какъ бывали иногда среди полоняниковъ самозванцы. Въ апрѣлѣ 1678 года въ Новгородѣ явился человекъ, назвавшійся турецкимъ полоняникомъ, жильцомъ Львомъ Дмитриевымъ Бестужевымъ. Онъ весьма правдоподобно рассказалъ, какъ онъ былъ въ неволѣ въ Царь-градѣ; какъ его отбили у турокъ „на Бѣломъ морѣ подѣ Заячьимъ островомъ князя Виницейскаго ратные люди“, которые отпустили его „въ городъ Дербленгу“, какъ онъ затѣмъ пришелъ въ Вильну и явился къ бывшимъ въ этомъ городѣ Государевымъ посламъ. Бестужева отправили въ Москву, но подѣ самой Москвою „на лѣсу онъ пошелъ въ лѣсъ невѣдомо куда“, и пропалъ безъ вѣсти. Черезъ два мѣсяца онъ объявился въ Кашинѣ и повинился въ томъ, что онъ послуживецъ Никифора Толочанова—Аеонька Григорьевъ, „въ прошлыхъ годѣхъ бѣжалъ отъ боярина своего и жилъ въ черкасскихъ (малороссійскихъ) и польскихъ городѣхъ“, а сказался бывшему въ Вильнѣ Государеву послу окольникову Ивану Ивановичу Чаадаеву „выходцемъ изъ полону и пролгался чужимъ именемъ для того, чтобъ де ему изъ Вильни выйти въ русскіе города“. Въ 1686 году полоняникъ, назвавшійся гречаниномъ Романомъ, да еще потер-

¹⁾ Б. 592, 249; Б. 1.200, 295, 306, 316; Пр. 392, 36; Пр. 234, 34; Пр. 1.445, 13; Пр. 412, 121, 181, 192; Пр. 867, 218.

пѣвшимъ за вѣру, оказался „охреяниномъ“ (индѣйцемъ) и турецкимъ лазутчикомъ ¹⁾).

По издавна заведенному обычаю и въ Посольскомъ приказѣ и въ Разрядѣ спрашивали выходцевъ про „вѣсти“. Это было скорѣе формальностью, чѣмъ вызывалось дѣйствительной нуждой. Отъ полонянниковъ и тутъ трудно было добиться толка. Одни, какъ костромитинъ Полозовъ, рассказывали очень интересныя и назидательныя, но мало идущія къ дѣлу, вещи, какъ они, „ходили смотрити пуца земного“ и „щели адовой“, а „въ мечети видѣли камень на воздухѣ“. Другіе сообщали старыя новости въ родѣ того, что „прежняго Турскаго Абрейма-салтана задушили янычаны, а нынѣ де въ туркахъ сынъ его Магметъ-салтанъ возрастомъ семи лѣтъ“, и извинялись тѣмъ, что они „все были на каторгахъ на морѣ, и вѣстей имъ иныхъ вѣдать не по чему“. Третьи приносили не столько вѣрныя, сколько лестныя для Московскаго правительства вѣсти въ родѣ того, что „Турскій де салтанъ говорилъ ближнимъ людямъ, что нѣтъ де изо всѣхъ окрестныхъ государствъ такого ему противника, что Московскій Царь, и зѣло де онъ опасенъ его, Великаго Государя, и его, Государевыхъ, ратныхъ людей“. Московскимъ дипломатамъ и воеводамъ могли быть полезны развѣ только немногіе полоняники въ родѣ мецяннина Семена Черемисинова, который, обасурманившись и разъѣзжая по Турціи въ качествѣ гонца, „примѣчалъ и дороги и перевозки узналъ“, или полоняника Дорохина, составившаго цѣлое „Описаніе царства турскаго“ ²⁾).

Вся эта волокита была болѣе или менѣе тягостна для выходцевъ, особенно такихъ, которые не имѣли ни денегъ, ни „пріятелей“. „Пристать мнѣ, бѣдной и безпріютной, негдѣ, скитаюсь я, на Москвѣ боса и голодна, а пріятелей у меня никого нѣтъ, и побить челомъ тебѣ, Государю, за меня некому“— такъ изображала въ челобитной свое положеніе, въ Москвѣ, одна полонянка. Нетерпѣливые пытались обойти приказную волокиту, обратившись непосредственно къ самому Царю. 22 декабря 1680 года стрѣльцы привели въ Разрядъ драгуна Семена Мозолевскаго, и рассказали слѣдующее: „какъ изволилъ Великій Государь итти изъ своего, Государева, походу изъ села Преображенскаго, и тотъ де драгунъ на пути билъ челомъ ему, Великому Государю, невѣжливо и челобитную бросилъ въ его, Государевы, сани“. Драгунъ показаль: „билъ онъ челомъ ему, Великому Государю, о жалованьѣ, и хотѣлъ

¹⁾ Пр. 774, 192—221; Б. 1.200, 808—316.

²⁾ Б. 264, 104—114; Пр. 782, 10; Палест. Сборн., X, вып. III.

подать челобитную, и въ то время во многолюдствѣ его, Сенку, подтолкнули, и оттого челобитная его упала, а, что де онъ билъ челомъ Великому Государю, подошедъ близко, и то де онъ учинилъ съ малоумья, не знаячи, потому что онъ человекъ украинской, а къ тому былъ въ полону въ Крыму и въ Турской землѣ 20 лѣтъ и никакого здѣшняго обычая не знаетъ, и въ той его винѣ воленъ Великій Государь“. Неизвѣстно, что было за это Мозолевскому; извѣстно только, что изъ Разряда онъ былъ отосланъ въ Посольскій приказъ ¹⁾).

Разнообразны были нужды выходцевъ; велики были ихъ надежды на Государево жалованье. „Откупленники“, т.-е. выкупившіеся за деньги, просили пожаловать „на милостыню, чѣмъ имъ тѣ окупы заплатить“, опять-таки по обычной формулѣ „какъ тебѣ, Великому Государю, Господь Богъ извѣститъ“. Такими просьбами не могли докучать правительству полоняники, вышедшіе „собою“, но всѣ они имѣли право на „выходное жалованье“, иначе жалованье „за полонное терпѣнье и выходъ“. Выходное жалованье для служилыхъ людей состояло, во-первыхъ, изъ придачи къ ихъ окладамъ, помѣстному и денежному, во-вторыхъ, изъ единовременнаго пособия, называвшагося пожалованіемъ „въ приказъ“. Кромѣ того, выходцамъ выдавались „кормовыя деньги“ на „указные дни“, т.-е. на извѣстный срокъ, по мнѣнію правительства, достаточный для устройства дѣлъ въ Москвѣ, обыкновенно на двѣ недѣли. Не служилые—духовные, посадскіе люди и крестьяне должны были довольствоваться жалованьемъ „въ приказъ“ и кормовыми деньгами. Размѣръ жалованья былъ не одинаковъ, „смотря по людямъ“, т.-е. по чинамъ служилыхъ людей и заслугамъ передъ государствомъ. Люди, взятые въ полонъ „на Государевыхъ службахъ, на боѣхъ и на приступѣхъ и въ посылкахъ“, имѣли преимущество передъ взятыми не на службѣ.

Раненые были, особенно, привилегированными полоняниками, но опять-таки имъ жалованье выдавалось „смотря по ранамъ“. Жалованье „въ приказъ“ выдавалось и деньгами и сукнами. „Безодежнымъ“ полоняникамъ выдавались и готовые кафтаны. Люди, попавшіе въ плѣнъ „своею оплошкою и нерадѣніемъ“, получали жалованье „вполю“: въ 1668 году кн. Ивану Болховскому съ товарищами, опоздавшимъ на службу въ Сѣвскъ и взятымъ на пути въ полонъ татарами, было дано половинное жалованье; при этомъ имъ было объявлено, что „за то непослушаніе, за тѣ ихъ раны и полонное терпѣнье не довелось бы имъ противъ ихъ

¹⁾ Пр. 972, 60; Пр. 807, 92—101.

братьи и вполы дати“ и рекомендовалось „вину свою покрыти службою“¹⁾).

Чтобы судить о размѣрахъ „выходного“ жалованья, можно привести роспись 1663 года жалованья полоняникамъ, взятымъ на службу. По этой росписи, служилымъ людямъ „Московского чину и дворяномъ и дѣтемъ боярскимъ“ почти всѣхъ городовъ²⁾ и рейтарамъ назначалась придача въ 50 четей и въ 3 рубля (около 50 р., на наши деньги); кромѣ того, каждому выдавалось „по сукву по аглицкому или по одинцу, а обычнымъ людямъ (менѣ почетнымъ) по сукву по доброму“, и кормовыя деньги на двѣ недѣли, по алтыну на день; за тяжелыя раны прибавлялось по 100 четей и по 5 рублей, за легкія по 50 четей и по 3 рубля. Попамъ за полное терпѣнье выдавалось по 3 рубля и по сукву доброму; драгунамъ, солдатамъ и казакамъ по 2 рубля да по сукву доброму, кормовыхъ денегъ на 2 недѣли, по 4 деньги на день; изъ нихъ верстанымъ, т.-е. имѣвшимъ помѣстное и денежное окладное жалованье, прибавлялось по 50 четей и по 2 рубля; пашеннымъ мужикамъ, взятымъ „на службу“, выдавалось за выходъ по рублю и по полтинѣ, за раны по рублю и по 1½ рубля³⁾).

Раненымъ, сверхъ того, выдавались деньги „на лѣчбу ранъ“. Одни раненые краснорѣчиво описывали свои страданія, видимо, стараясь разжалобить разрядныхъ дьяковъ: „И я, холопъ твой,— писалъ въ челобитной одинъ раненый,—отъ тѣхъ тяжолыхъ смертныхъ ранъ лежалъ все лѣто, былъ поновленъ (исповѣданъ) и причащенъ, и цырюльники и лѣкари выбрали у меня изъ головы многія кости, и я, холопъ твой, отъ тѣхъ тяжелыхъ своихъ ранъ погибаю, кончаюся смертию“.

Другіе раненые только опредѣляли стоимость лѣченія: „лѣчился де собою, а стало де ему отъ лѣчбы два рубли“. Раненыхъ осматривали въ Разрядѣ за неимѣніемъ врачей дьяки, и нерѣдко оказывалось, что полоняники добирались до Москвы съ тяжелыми, не зажившими ранами: у одного голова была „разрублена до мозгу, рана тяжела, рана знать“, т.-е. не зажила, замѣтна; у другого были на рукѣ „жилы перебиты, персты не гнулись“; о третьемъ дѣлалась отмѣтка „поколоть рогатиною въ правую ногу, кость испортило, рана добрѣ больна и нынѣ не зажила, сказалъ, вышло изъ

¹⁾ Пр. 854, 113; Пр. 377, 74.

²⁾ Кромѣ „украинныхъ польскихъ“, т.-е. „крайнихъ къ полю“—степи, въ которыхъ служилые люди были поплоче.

³⁾ Пр. 234, 333—336; Б. 188, 19.

нея двѣ кости“; инымъ „за ранами и служить было не мочно“, и ихъ отправляли на попеченіе родственниковъ. На „лѣчбу“ раненыхъ, выдавалось отъ 4 до 2 рублей опять-таки, „смотря по людямъ и по ранамъ“¹⁾.

Быль еще особый, во вкусѣ Православной Руси, видъ жалованья — дача полоняникамъ иконъ. Полоняникъ или просилъ о дачѣ ему иконы, которую онъ обѣщался вымѣнять въ полону, и ссылался на то, что ему обѣтную икону „вымѣнить за скудостью нечѣмъ“, или просто просилъ икону на томъ основаніи, что у него „божья милосердія нѣтъ, помолиться нечѣмъ“.

Полоняники получали разныя преимущества и льготы. Изъ раненыхъ выходцевъ назначались преимущественно воеводы и приказные люди въ города. Полоняники получали льготы въ службѣ и въ податяхъ. „Мнѣ, бѣдному и скудному и до конца разоренному, на твою, Государеву, службу подняться нечимъ, а подати, Государь, всякія нынѣ стали большія, и мнѣ ихъ платить нечимъ“, — постоянно заявляли выходцы въ своихъ челобитныхъ. Такимъ полоняникамъ давались льготы „въ службѣ и въ городской подѣлкѣ (работахъ по укрѣпленію городовъ) и во всякихъ податѣхъ на годъ и на два, смотря сколько кто въ полону былъ“²⁾.

Правительство считало себя обязаннымъ, такъ или иначе, устроить судьбу полоняника: просилъ, наиримѣръ, полоняникъ постричь его въ монастырь безъ вклада, чтобъ „ему, бѣдному, безпріютному, скитающись межъ дворъ, напрасною смертью не умереть“, и его постригали безъ вклада, даже въ такой богатый и знатный монастырь, какъ Новоспасскій. Если полоняникъ не хотѣлъ быть монахомъ, онъ могъ устроиться на положеніи какого-то штатнаго нищаго: турецкому полонянику черкашенину Мартину Тваревскому было разрѣшено въ видѣ милости „жить на Москвѣ и кормиться Христовымъ именемъ“. Полоняники, какъ люди бывалые, могли попасть въ „верховые богомольцы“, или придворные нищіе, которые должны были, между прочимъ, занимать своихъ высокихъ кормильцевъ интересными и назидательными рассказами. Въ одномъ дѣлѣ 1695 г. выступаетъ „верховая богомолица“ царицы Параскевы Феодоровны Стефанида Леонтьева, бывшая „въ прошлыхъ годѣхъ въ полону въ Царь-градѣ лѣтъ съ сорокъ и больши“. Такой бывалой старухѣ было, что рассказать скучающимъ царицѣ и царевнамъ.

1) Пр. 392, 524; Пр. 35, 329; Пр. 158, 362; Пр. 384, 565.

2) Пр. 782, 213; Пр. 970, 104; Пр. 2102, 171.

Награждая полонянниковъ, правительство было не прочь извлечь пользу изъ прибрѣтенныхъ ими въ полону знаній. Въ 1637 году пріѣхалъ въ Москву смолянинъ Андрей Патаповъ, работавшій 20 лѣтъ „въ виноградѣ у турчанина“. Въ XVII вѣкѣ у насъ мечтали о разведеніи винограда на Югѣ Россіи, и обширные опыты этого производились въ Чугуевѣ. Патапова было указано отпустить въ Воронежъ „для заводу виноградныхъ садовъ и хлопчатыхъ бумаги, и дать ему земли изъ пустовыхъ земель“; тогда же Патаповъ былъ командированъ въ Азовъ „для виноградныхъ сѣменъ и хлопчатыхъ бумаги“¹⁾.

Оскверненный басурманской скверной полоняникъ не могъ быть полноправнымъ членомъ православнаго общества, пока онъ отъ „той скверны не поочистится“, „въ православной христіанской вѣрѣ не будетъ исправленъ“. Для „исправленія православныя вѣры“ полоняникъ изъ Разряда отсылался на Патріаршій Дворъ, откуда его отправляли „подъ началь“ въ монастырь, „въ который доведется“. Иногда полоняники до прихода въ Москву въ малороссійскихъ и русскихъ городахъ „въ церкви хаживали и ко кресту и Евангелію ходили и къ образамъ прикладывали и святою водою крапливались и пасху ѣдали“, бывали у духовныхъ отцовъ и причащались; инымъ удавалось „достигнути прага“ самой Чудотворной Печерской Лавры и тамъ „святимъ сповѣданіемъ по обычаю Восточнаго Православія совѣсть очистити и Христу Спасителю причащеніемъ Пречистаго Тѣла и Крови Его совокупитися“.

Но Москва видѣла въ этомъ лишь недосмотръ провинціальныхъ духовныхъ властей и не совсѣмъ твердыхъ въ православіи черкасъ — нехаевъ, и „подначальство“ по усмотрѣнію патріарха было обязательно и для такихъ, уже принятыхъ въ общеніе съ Церковью выходцевъ. „Подначальство“, продолжавшееся отъ 2 до 6 недѣль, смотря по степени оскверненія, заключалось въ извѣстной епитиміи. Въ строгія времена патріарха Филарета полонянниковъ, „отступившихъ отъ вѣры“, исповѣдывали и миромъ помазывали, остальные же бывали только „исповѣдываны, а миромъ не помазываны, потому что отъ вѣры не отступили“.

Некрещеныхъ дѣтей полонянниковъ тоже отдавали „подъ началь“, а потомъ въ томъ же монастырѣ крестили. Московскія духовныя власти хотѣли, чтобы у полонянниковъ не оставалось и воспоминанія о басурманской сквернѣ. Некрещенымъ при крещеніи давались не тѣ имена, которыми они „звалися въ полону“.

¹⁾ Чт. О. И. Др. Рос. 1894 г., II, Смѣсь, 27—28; Пр. 1211, 1—19; Пр. 1837, 131; Б. 83, 788.

Въ 1668 году въ Москву вышелъ изъ Крыма каширянинъ Андрей Писаревъ съ женою и двумя прижитыми въ полону некрещеными дѣтьми Ивашкой и Анюткой; съ ними былъ и татарченокъ, прижитый Писаревой отъ татарина и получившій отъ нея христіанское имя Ониски, т. е. Онисима. Всѣ дѣти въ Москвѣ были крещены, но Ивашка былъ названъ Ѳеодоромъ, Анютка—Агаѳеѳею, а Ониска—Никитой. Прижитымъ русскими женщинами отъ татаръ дѣтямъ въ Москвѣ придумывались фамиліи: въ 1669 году драгунская вдова Ѳедосья Давыдова принесла сына, окрещеннаго ею въ Волосской землѣ; крещеніе было признано правильнымъ, и сыну Давыдовой Ѳедору была дана фамилія Волошениновъ—по мѣсту крещенія ¹⁾).

За „подначальство“ выдавалось особое „подначальное“, жалованье „передъ выходцы вполы“, т. е. вдвое менѣе, чѣмъ за выходъ ²⁾).

Дѣловито черствая и скопидомная Москва съ расчетомъ и оглядкою выдавала полоняникамъ то, что было необходимо для тѣла и души. Но и тогда признавалось необходимымъ нѣсколько приласкать давняго „нужетерпца“—полоняника, дать ему извѣстное нравственное удовлетвореніе. Для русскаго человѣка того времени не было большей радости и чести, какъ „увидѣть Государевы очи и пресвѣтлое Государское лицо“. Царь не гнушался, „страдавшими за него, Праведнаго Государя“, полоняниками. Въ дворцовыхъ записяхъ XVII вѣка то и дѣло встрѣчаются упоминанія, что такого-то числа „передъ столовымъ кушаньемъ жаловалъ Великій Государь къ своей, Государевѣ, рукѣ полоняниковъ, которые вышли изъ полону“, или „кормилъ полоняниковъ, а послѣ кушанья Великій Государь жаловалъ ихъ романѳею въ кубкахъ и въ ковшахъ медомъ“.

Нѣкоторые полоняники обращали на себя особое вниманіе Государя. Въ 1649 году въ Москву привезли двѣнадцатилѣтняго мальчика—сына боярскаго Андрея Иванова Лукашева, бывшаго 4 года въ полону у татаръ и ускабавшаго отъ нихъ „среди бѣла дни“, когда его везли на размѣну на Валуйку. Начальникъ Разряда—думный дворянинъ Иванъ Аванасьевичъ Гавреневъ привезъ Лукашева въ качествѣ диковинки къ Царю въ село Покровское. Молодой Царь заинтересовался удалымъ мальчикомъ и „приказалъ поставить его въ Верху ³⁾ передъ собою, Великимъ Государемъ“.

При Дворѣ въ то время не было недостатка въ выходцахъ—

¹⁾ Р. Ист. Библ. II, 607, 625, 631—633, 641; Пр. 377, 179; Пр. 2102, 12.

²⁾ Б. 188, 103—104.

³⁾ Въ собственныхъ покояхъ Государя.

князьяхъ, говорившихъ по-татарски; одинъ изъ нихъ, князь Яковъ Куденетовичъ Черкасскій по приказанію Царя произвелъ Лукашеву экзаменъ, „распрашивалъ его татарскому языку“. Послѣ экзамена „Великій Государь пожаловалъ Лукашева за полное терпѣніе приказалъ отдать его на сбереженіе, покаместа родичи сыщутся“, Гавреневу и разрядному дьяку Григорію Ларионову ¹⁾).

Этотъ Лукашевъ одинъ изъ типичнѣйшихъ представителей старинныхъ русскихъ людей, не страшившихся стоявшаго всегда передъ ними призрака басурманской неволи. Восми лѣтъ онъ былъ взятъ въ полонъ, двѣнадцати „среди бѣла дни ускакалъ отъ татаръ“; двадцати трехъ лѣтъ онъ уже сражался со своими старыми знакомцами — татарами, и они въ схваткѣ близъ Бердичева „поранили его саблей до половины шеи, да лѣвое плечо пересѣкли на двое“; Лукашевъ „на томъ побоищѣ лежалъ замертво четыре дни“; подобранный наконецъ, онъ „отъ тѣхъ ранъ заскорбѣлъ“ и четыре года „лежалъ въ червяхъ и во гноищѣ“; въ это время тѣ же роковые для него татары „помѣстье отца его разорили безъ остатку, а женишку его и дѣтишекъ и крестьянишекъ въ полонъ побрали“; отъ „того татарскаго разоренья“ Лукашевъ „оскудалъ и обѣднялъ“, а кромѣ того „одолжалъ, лежа въ болѣзни, великими долгами, лѣча тѣ свои раны“; въ двадцать семь лѣтъ онъ былъ уже инвалидомъ, „отъ тѣхъ ранъ былъ увѣченъ, лѣвою рукою не владѣлъ“.

Великъ былъ тѣлесный и нравственный закалъ этихъ старинныхъ русскихъ людей, которые съ малыхъ лѣтъ жили одной жизнью съ суровой дѣвственной природой украинскихъ мѣстъ и знали ужасы варварскихъ нашествій. „Помня Бога и крестное цѣлованіе, и свою русскую породу“, они „служили и прямили и радѣли Великому Государю, билися на бояхъ съ басурманы, не щадя головъ своихъ, и за Праведнаго Государя и православное крестьянство кровь свою проливали, мучили животъ свой за него же, своего природнаго Государя“, на турецкихъ каторгахъ и во всякой „полонной нужѣ“, терпѣли болѣзни отъ ранъ „въ червяхъ и во гноищѣ“ и считали „не страхомъ, не печалью, но радостью и веселіемъ за Христа и за Великаго Государя умирать“.

Современный человекъ, ослабленный дарами космополитической цивилизаціи часто до забвенія своей „русской породы“, съ невольнымъ удивленіемъ смотритъ на это цѣльное, „могучее, лихое племя“, создавшее на своей крови и на своихъ костяхъ великую и единую Россію.

В. Шереметевскій.

¹⁾ Пр. 239, 193—198.